

Э. А. Хачатрян*

Основные подходы Суда ЕАЭС при отправлении правосудия

Аннотация. В статье раскрываются основные подходы, используемые Судом ЕАЭС при отправлении правосудия. В данной работе рассмотрена практика Суда ЕАЭС в совокупности с практикой Суда ЕврАзЭС для повышения репрезентативности и обоснованности темы. Анализ практики Суда ЕАЭС и Суда ЕврАзЭС дает основание для вывода, что основными подходами, используемыми при отправлении евразийского правосудия, являются самостоятельность правопорядка ЕАЭС, обязательность толкования Суда и восполнение пробелов посредством установления и последующей конкретизации обязанностей ЕЭК, которые прямо в Договоре о ЕАЭС не прописаны. Также в статье подвергается анализу вопрос рассмотрения Судом ЕАЭС функции толкования-разъяснения как своего исключительного полномочия в качестве последней, точнее высшей, судебной инстанции.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, Суд Евразийского экономического союза, наднациональный союз, самостоятельный правопорядок, международное правосудие.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.104.7.134-140

Относительно недолгий срок деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и, соответственно, небольшое количество рассмотренных дел в значительной степени затрудняет подготовку выводов о подходах Суда при отправлении правосудия. Тем не менее некоторые выводы все же представляется возможным сделать. И если они не могут быть окончательными, то, по крайней мере, могут указать направления формирования соответствующих подходов. Для того чтобы повысить репрезентативность и обоснованность данного анализа, будет рассмотрена практика Суда ЕАЭС в совокупности с практикой Суда Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Несмотря на то что Суд ЕАЭС с правовой точки зрения не является правопреемником Суда

ЕврАзЭС, существует как минимум два фактора, указывающих на то, что обобщение результатов деятельности обоих судебных органов для целей настоящего исследования представляется оправданным. Во-первых, все судьи Суда ЕврАзЭС в настоящее время занимают должности судей Суда ЕАЭС. Следовательно, можно предположить, что судьи будут придерживаться сформулированных ими ранее подходов. Во-вторых, хотя Суд ЕАЭС ссылался на практику Суда ЕврАзЭС лишь пару раз, даже эти ссылки указывают на то, что Суд ЕАЭС рассматривает правовое наследие Суда ЕврАзЭС как неотъемлемую составляющую деятельности Суда ЕАЭС.

Анализ практики Суда ЕАЭС и Суда ЕврАзЭС дает основание для вывода о том, что основными подходами, используемыми при отправле-

© Хачатрян Э. А., 2019

* Хачатрян Эдгар Артурович, аспирант Дипломатической академии МИД России, член Российской ассоциации международного права, сотрудник Протокола Посольства Республики Армения в Российской Федерации

Edgarkhachatryan1@gmail.com

101990, Россия, г. Москва, Армянский пер., д. 2

нии евразийского правосудия, являются самостоятельность правопорядка ЕАЭС, обязательность толкования Суда и восполнение пробелов посредством установления и последующей конкретизации обязанностей Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которые прямо в Договоре о ЕАЭС не прописаны.

Концепция самостоятельности правопорядка ЕАЭС впервые прозвучала и была обоснована Судом ЕврАзЭС при рассмотрении дела «Новокраматорский машиностроительный завод» (Украина) против Комиссии Таможенного Союза». В результате проведенных Минпромторгом России антидемпинговых проверочных действий Российская Федерация путем принятия соответствующего постановления Правительства¹ ввела антидемпинговую меру в форме установления пошлины на определенные виды товаров украинской национальности (стальные кованые валки для прокатных станков (валки)). По своей правовой форме данная антидемпинговая мера была выражена во введении пошлины в размере 26 % от таможенной стоимости ввозимого товара. Данная мера применялась на протяжении трех лет. Новокраматорский машиностроительный завод, осуществляющий свою производственную деятельность на территории Украины, выступил инициатором обращения в Высший Арбитражный Суд РФ об отмене упомянутого постановления Правительства РФ. ВАС РФ отказал Новокраматорскому машиностроительному заводу в удовлетворении заявленных требований². В результате создания Таможенного Союза Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь на территории государств-членов было принято Соглашение о порядке применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер в течение переходного периода³. Данный международно-правовой акт распространил на

территорию государств-членов действие нормы, согласно которой введенные каждым из государств-членов антидемпинговой меры распространяют свое действие на территорию других государств-членов. При этом распространение действия соответствующей антидемпинговой меры обуславливалось долей национального производства конкретной категории товара в общем производственном объеме рынка государств Таможенного Союза. Существенным условием таких антидемпинговых мер являлось то, что доля производства конкретной категории товара в объеме производства должна была превышать 25 % от общего объема⁴. В рассматриваемом вопросе доля рынка российских производителей на рынке прокатных валков составляла 83 %. Это и обусловило введение Комиссией Таможенного Союза антидемпинговой меры на территорию государств-членов ТС⁵. В связи с тем что введение данной антидемпинговой меры затрагивало интересы Новокраматорского машиностроительного завода, последний подал иск в Суд ЕврАзЭС с доводами о нарушении его законных прав и интересов, равно как и ранее принятых международных правовых актов ТС.

На основании решения Суда ЕврАзЭС Новокраматорский машиностроительный завод исходил из аргументации несоответствия Соглашения о переходном периоде Соглашению о Таможенном Союзе и Соглашению ВТО о применении ст. VI ГАТТ 1994 г. ввиду того, что механизм распространения антидемпинговых пошлин в указанных документах полностью отсутствует. По мнению заявителя, отношения, возникающие в связи с введением и применением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер в отношении товаров, происходящих из иностранных государств и предназначенных для единой таможенной территории Таможенного Союза, регулировало

¹ Постановление Правительства РФ от 20 мая 2011 г. № 406 «О мерах по защите экономических интересов российских производителей стальных кованых валков для прокатных станков».

² Решение от 22 февраля 2012 г. № ВАС-16795/11.

³ Принято 19 ноября 2010 г.

⁴ Статья 2 Соглашения о переходном периоде.

⁵ Решение от 9 декабря 2011 г. № 904 «О мерах по защите экономических интересов производителей стальных кованых валков для прокатных станков в Таможенном Союзе».

Соглашение «О применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам» 2008 г. Согласно п. 1 данного Соглашения введению специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры при импорте товара предшествует расследование, проводимое в соответствии с данным Соглашением. Свои требования заявитель основывал на том, что принятию решения № 904 не предшествовало проведение расследования в соответствии с базовым Соглашением. Оспариваемое решение принято по результатам пересмотра Минпромторгом России постановления Правительства РФ от 20 мая 2011 г. № 406 «О мерах по защите экономических интересов российских производителей стальных кованых валков для прокатных станков», проведенного в соответствии с Соглашением о переходном периоде.

Суд ЕврАзЭС с доводами заявителя не согласился и пошел по пути разграничения правопорядка Таможенного Союза и правопорядка ВТО. Коллегия Суда отметила, что нормы, формирующие правовую систему Таможенного Союза, не могут толковаться без учета норм международного права общего характера: международных договоров, универсальных и региональных обычаев, общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, имеющих, согласно п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН, равную юридическую силу. При этом в случае выявления противоречащих норм в источниках международного права международные суды руководствуются правилами *lex specialis derogat lex generali* (специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон) и *lex posterior derogat legi priori* (последующий закон отменяет (вытесняет) предыдущий)⁶. Коллегия Суда пояснила, что в соответствии с пп. «а» п. 1 ст. 41 Венской конвенции два или несколько участников многостороннего договора могут заключить соглашение об *изменении* договора только во взаимоотношениях между собой, если возможность такого изменения предусматривается самим договором. Далее было разъяснено, что международные договоры, заключенные в рамках ВТО, не

регулируют вопрос о проведении пересмотра антидемпинговой меры в случае распространения такой меры на государство, входящее в соответствующий таможенный союз. Следовательно, данные договоры предоставляют дискрецию соответствующим органам в том числе по вопросам о том, какой из органов — наднациональный или национальный — уполномочен осуществлять пересмотр с целью распространения пошлины на территорию таможенного союза и в какой процедуре. На основании этого Коллегия Суда согласилась с позицией ответчика в том, что применению в данном деле подлежит именно Соглашение о переходном периоде как специальный нормативный акт, регулирующий вопросы распространения антидемпинговой меры, ранее действовавшей на территории одного государства — члена Таможенного Союза, на всю территорию Таможенного Союза. Таким образом, Коллегия Суда пришла к общему выводу о том, что международные договоры, заключенные в рамках Таможенного Союза, являются специальными по отношению к договорам, заключенным в рамках ВТО, как регулирующие отношения исключительно в рамках Таможенного Союза, членами которого на момент вынесения настоящего решения являются Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация.

Из этого следует несколько важных выводов, которые могут иметь далеко идущие последствия как для отправления правосудия Судом ЕАЭС, так и в контексте выстраивания последнего правопорядка Союза. Во-первых, Суд квалифицировал заключаемые в рамках Союза соглашения как специальные по отношению к общему международному праву, включая универсальные международные договоры, к числу которых относится Соглашение об учреждении ВТО. Во-вторых, Суд, сославшись на ст. 41 Венской конвенции, открыто заявил, что два или несколько участников многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора только во взаимоотношениях между собой, если возможность такого изменения предусматривается самим договором. В связи

⁶ См.: ст. 30 и 41 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

с этим заметим, что Соглашение ВТО такого разрешения членам организации не дает. Согласно ст. XIII Соглашения ВТО («Неприменение многосторонних торговых соглашений между отдельными членами») многосторонние торговые соглашения, перечисленные в приложениях 1 и 2 Соглашения ВТО, могут не применяться между каким-либо одним членом и каким-либо другим членом, если любой из них на момент присоединения к ВТО не согласен на такое применение. То есть возможность неприменения правил ВТО во взаимоотношениях между двумя членами организации имеет серьезные ограничения. Главное, однако, не в этом. Для целей данного исследования важно то, что Суд четко указал на то, что правопорядок Таможенного Союза (т.е. Евразийского экономического союза) представляет собой самостоятельный правопорядок. В то же время в этом выводе Суд неоднократно опирался на положения общего международного права, т.е. сделанный Судом анализ непосредственно вытекает из Венской конвенции. В этой связи возникает важный вопрос о том, готов ли будет Суд ЕАЭС (и насколько) дистанцироваться от общего международного права при формировании правопорядка ЕАЭС. Готов ли он будет последовать примеру Суда ЕС и заявить о полной независимости права ЕАЭС от общего международного права, т.е. заявить о высокой степени его автономности. Или же Суд ЕАЭС будет придерживаться срединного пути и заявлять о самостоятельности права ЕАЭС как неотъемлемой составляющей системы международного права. Но в таком случае вряд ли можно будет говорить о том, что право ЕАЭС представляет собой *самостоятельную* правовую систему, каковой является право ЕС. Суд ЕАЭС в решении по делу

ООО «Севлад» квалифицировал право Союза в качестве «наднационального интеграционного права»⁷. Однако наднациональность права Союза (т.е. его необусловленность национальным правом государств — членов ЕАЭС) и независимость от международного права — это вопросы совершенно разные. Не исключается, что правопорядок регионального интеграционного объединения может быть эффективным даже при наличии примата международного права над правом ЕАЭС. То есть модель права ЕС, в котором примат международного права отсутствует, является, видимо, далеко не единственной возможной моделью функционирования региональных правопорядков. Однако в данном вопросе на текущий момент слишком много неизвестных, ввиду чего любые предположения могут оказаться ошибочными. На настоящий момент можно лишь утверждать, что Суд ЕАЭС рассматривает правопорядок Союза в качестве самостоятельного правопорядка, который одновременно с этим является частью системы международного права. В этом на данный момент одно из отличий правопорядка ЕАЭС в его интерпретации Судом ЕАЭС от правопорядка ЕС, выстроенного правовыми позициями Суда ЕС.

В качестве второго подхода, используемого Судом ЕАЭС при отправлении правосудия, является обязательность толкования Суда ЕАЭС.

Позиция по данному вопросу была сформулирована Судом ЕврАзЭС в постановлении в связи с рассмотрением заявления компании «Угольная компания «Южный Кузбасс»» (Россия) о разъяснении и исполнении решения Коллегии Суда ЕврАзЭС от 5 сентября 2012 г.⁸ Данное разъяснение было дано в связи с тем, что акт Комиссии Таможенного Союза (или его отдельных

⁷ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 07.04.2016 по делу № СЕ-1-2/1-16-КС «Об отказе в удовлетворении заявления о признании в части решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.11.2014 № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам». С. 26 // Сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org/page-24161> (дата обращения: 15.11.2018).

⁸ Постановление Суда Евразийского экономического сообщества по делу о разъяснении решения по делу «ОАО «Южный Кузбасс» против Евразийской экономической комиссии» от 8 апреля 2013 г. // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635194337652937490.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

положений) был признан не соответствующим международным договорам, ранее заключенным государствами — членами Таможенного Союза. Большая коллегия Суда ЕврАзЭС пояснила, что признание акта не соответствующим международным договорам влечет его правовую ничтожность с момента принятия такого либо с того времени, когда положения такого акта начали противоречить международным договорам государств — членов ТС, имеющим преваляющую юридическую силу. Суд также разъяснил, что решение Суда, которым оспариваемый акт Комиссии либо отдельные его положения признаются не соответствующими международным договорам, заключенным в рамках Таможенного Союза, действует непосредственно ввиду того, что эти положения считаются отмененными, т.е. недействующими (ничтожными), с момента принятия оспоренного акта. Согласно мнению Суда, признание ничтожности соответствующего акта не должно подтверждаться другими органами, а соответствующее решение вступает в силу немедленно и подлежит обязательному его исполнению. При этом Суд также отметил, что соответствующее решение действует в отношении не только тех лиц, которые участвуют непосредственно в рассматриваемом деле, но и в отношении неограниченного круга лиц (*erga omnes*). Данная позиция Суда влечет за собой возможность последующего пересмотра, в рамках соответствующих процедур, актов национальных судебных органов, в которых нормы оспариваемого акта органов ТС применяются в толковании, отличающемся от позиции Суда.

Позиция Суда по приведенному делу дает возможность сделать следующие выводы, касающиеся подходов Суда в процессе рассмотрения споров. Во-первых, признание того или иного акта органа Союза противоречащим международным договорам в рамках Союза влечет за собой его правовую ничтожность. Данный юридический факт влечет за собой последствия

не только для сторон рассматриваемого Судом спора, но и для неограниченного круга лиц. Во-вторых, решения Суда характеризуются непосредственной правоприменимостью. В-третьих, что представляется наиболее интересным, распространение соответствующего решения Суда на неограниченный круг лиц свидетельствует об обязательствах *erga omnes*. И здесь возникает вопрос: рассматривает ли Суд в качестве *erga omnes* все правовые позиции, формулируемые им при отправлении правосудия, или это касается только решений о признании актов органов Союза не соответствующими международным договорам в рамках Союза? Хотя ясность в этот вопрос Судом пока еще не внесена, некоторые косвенные данные указывают на то, что Суд склонен именно так квалифицировать свои правовые позиции. В частности, на это указывает решение Суда по делу «Вичюнай-Русь» против ЕЭК»⁹. В начале своего анализа Суд ЕврАзЭС разграничил толкование-уяснение и толкование-разъяснение, а затем пояснил, что если толкование-уяснение представляет собой стадию правоприменительного процесса, то толкование-разъяснение — это самостоятельная форма реализации права и исключительное полномочие судебного органа, что согласуется, по мнению Суда, с Венской конвенцией (однако Суд так и не пояснил, какими именно международно-правовыми нормами Венской конвенции может быть подтвержден такой вывод). Из этого проистекает вопрос, рассматривает ли Суд ЕАЭС функцию толкования-разъяснения как свое исключительное полномочие в качестве последней, точнее высшей, судебной инстанции или нет. Полагаем, что да. Опять же, ссылаясь на Венскую конвенцию, указывает на то, что Суд видит поддержку такого вывода в общепризнанных положениях международного права. Таким образом, можно ожидать, что мнение о том, что толкования Суда ЕАЭС являются общеобязательными, получит свое дальнейшее закрепление в практике Суда. На это косвенно указывает то

⁹ Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества по делу по заявлению ООО «Вичюнай-Русь» против Евразийской экономической комиссии от 7 октября 2014 г. С. 10 // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635485362341488866635485362341332866.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

обстоятельство, что судья Суда ЕАЭС, заслуженный юрист Российской Федерации Т. Н. Нешатаева последовательно отстаивает точку зрения о том, что правовые позиции Суда ЕАЭС формируют прецедентную практику. Так, по мнению Т. Н. Нешатаевой, «судебная правовая позиция, сформулированная в виде четкого правила, может повторяться в судебных актах национальных судов государств — членов Союза и в судебных актах международного Суда, впервые сформулировавшего такое правило. Неоднократное применение судами одной и той же формулы свидетельствует о сложившейся судебной практике — прецеденте Суда»¹⁰. По мнению автора, для выстраивания эффективного правопорядка ЕАЭС правовые позиции Суда должны обладать прецедентной значимостью как в правовых системах государств — членов ЕАЭС, так и в самой системе права ЕАЭС: «Таким образом, первоочередное значение для утверждения правовой позиции в судебной практике приобретает ее поддержка национальными судами. Однако не менее важно и отношение самого Суда ЕАЭС к своим правилам. Следуя цели единообразного толкования, Суд ЕАЭС также повторяет свои принципиальные правовые позиции от дела к делу. Например, позиция о двух элементах установления нарушенных прав, сформулированная в деле ЗАО «Дженерал Фрейт», нашла свое подтверждение в актах по заявлениям ПАО «Арселор Миттал Кривой Рог» от 1 ноября 2016 г., ТП «Руста-Брокер» от 8 ноября 2016 г., ООО «Ремдизель» от 20 января 2016 г.»¹¹. Для укрепления правопорядка ЕАЭС высокий нормативный статус правовых позиций Суда является фактором чрезвычайно важным. На текущий момент есть основания считать, что практика Суда ЕАЭС будет развиваться в направлении усиления нормативной значимости позиций Суда.

Еще одним подходом к отправлению правосудия Судом ЕАЭС можно считать восполнение пробелов посредством установления и последующей конкретизации обязанностей ЕЭК, которые прямо в Договоре о ЕАЭС не прописаны. Так, в решении по делу «Вичюнай-Русь» против ЕЭК апелляционная палата Суда пояснила, что Евразийской экономической комиссии следует принимать заявления хозяйствующих субъектов о начале процедуры мониторинга и осуществлять мониторинг в случаях, когда подателем заявления о начале мониторинга представлены достаточные доказательства нарушения его прав и законных интересов, явившиеся следствием неединообразного применения одних и тех же норм права. Это притом, что Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. не налагал на Комиссию обязанности инициировать процедуру мониторинга исполнения международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного Союза и Единого экономического пространства, по обращениям хозяйствующих субъектов.

Спустя четыре года Суд ЕАЭС подтвердил этот подход. В решении по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии вновь возник вопрос о бездействии ЕЭК в связи с невыполнением обязанности мониторинга исполнения международных договоров¹². Интересно, что в данном деле Суд применил телеологическое толкование. Было указано, что итогом проведения мониторинга исполнения международных договоров является «устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов. Коллегия Суда считает, что непосредственное применение права Союза в сферах, отнесенных Договором к его юрисдикции, формирование

¹⁰ Доклад Т. Н. Нешатаевой «Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву». С. 12—13 // URL: <http://courteurasian.org/page-22731> (дата обращения: 15.11.2018).

¹¹ Доклад Т. Н. Нешатаевой «Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву». С. 12.

¹² Пункт 43 Положения о ЕЭК гласит: «Коллегия Комиссии обеспечивает реализацию следующих функций и полномочий:... 4) осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения...».

в государствах-членах единообразной правоприменительной практики, исключение негативных правовых препятствий направлено на достижение интеграционных целей Союза»¹³. Это позволило сделать Суду вывод о том, что «Комиссия не в полном объеме выполнила свою обязанность по осуществлению мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, решений Комиссии, предусмотренную пп. 4 п. 43 Положения о Комиссии, поскольку на момент обращения заявителя обладала информацией о неединообразном применении норм решения КТС № 130 на территории Российской Федерации». Таким образом, отсутствие норм, регламентирующих порядок осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, предписывающих Комиссии инициировать процедуру мониторинга исполнения международных договоров по заявлениям хозяйствующих субъектов, не стало препятствием для формулирования Судом соответствующей обязанности ЕЭК, продиктованной в том числе

необходимостью достижения интеграционных целей Союза. По нашему мнению, вывод Суда является обоснованным. Можно также ожидать, что и в дальнейшем Суд ЕАЭС будет применять телеологическое толкование, что будет способствовать укреплению правопорядка Евразийского экономического союза и достижению целей интеграции. Посредством предоставления частным лицам максимального объема прав, вытекающих из права ЕАЭС, Суд Союза обеспечивает для себя возможность осуществления максимального контроля над единообразным применением права ЕАЭС.

Таким образом, анализ практики Суда ЕАЭС дает основание для вывода о том, что основными подходами при отправлении евразийского правосудия являются самостоятельность правопорядка ЕАЭС, обязательность толкований Суда и восполнение пробелов посредством установления и последующей конкретизации обязанностей ЕЭК, направленных на предоставление частным лицам максимального объема прав, вытекающих из актов ЕАЭС.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2018 г.

THE COURT OF THE EAEU MAIN APPROACHES TO ADMINISTRATION OF JUSTICE

KHACHATRYAN Edgar Arturovich, Postgraduate Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Member of the Russian Association of International Law, Protocol Officer of the Embassy of Armenia to the Russian Federation
Edgarkhachatryan1@gmail.com
101990, Russia, Moscow, Armyanskiy per., d. 2

Abstract. *The paper describes the main approaches used by the Court of the EAEU in the administration of justice. This paper examines the practice of the Court of the EAEU in conjunction with the practice of the EurAsEC Court to increase the representativeness and validity of the topic. The analysis of the practice of the Court of the EAEU and the EurAsEC Court makes it possible to conclude that the main approaches to the administration of the Eurasian justice are the independence of the EAEU system of justice, the compulsory nature of the Court's interpretations and the filling of gaps through the establishment and further specification of the EEC competences, which are not specified in the EAEU Treaty. The paper also analyzes the question of the Court of the EAEU consideration of the interpretation and explanation competence as its exclusive authority as the last, or rather the highest, court.*

Keywords: *regional economic integration, Eurasian Economic Union, Court of the Eurasian Economic Union, supranational union, independent system of justice, international justice.*

¹³ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 г.